Анжелика Москалёва

Мой нежный рыцарь

Анжелика Москалёва

Мой нежный рыцарь

«Автор»
2026

Москалёва А.

Мой нежный рыцарь / А. Москалёва — «Автор», 2026

Кассандра Харт, дочь бывшего командира королевских рыцарей, предпочла шелкам и корсетам тяжелый клинок и безупречную репутацию телохранителя для знатных девиц. Все меняется, когда наследник дома Вернье решает избежать навязанного брака с принцессой с помощью громкого скандала и предлагает ей сыграть роль его тайной возлюбленной. Кассандра отвечает категорическим отказом, но судьба распоряжается по-своему: после засады разбойников на пути в столицу и ночи, проведенной у костра под одним плащом, императорская свита застает их в самых двусмысленных объятиях. Теперь вынужденный спектакль становится для обоих настоящим испытанием, где за язвительными пикировками, столичными интригами и уроками вальса прячется чувство, способное перевернуть их жизни.

© Москалёва А., 2026
© Автор, 2026

Анжелика Москалёва
Мой нежный рыцарь

Глава 1. Железная леди и золотой ошейник

Кассандра

В шесть часов утра в поместье графа Вернье бодрствовали только трое: старый конюх, утренний петух и я. И если первые двое делали это исключительно по привычке, то я — из чистого чувства профессионального долга, осложненного легкой степенью упрямства.

— Локоть выше, леди Марьяна! Вы не мух на пикнике отгоняете, вы пытаетесь не дать противнику раскроить вам ключицу, — произнесла я ровно, наблюдая, как юная наследница дома Вернье в очередной раз едва не запуталась в собственных ногах.

Шестнадцатилетняя Марьяна остановилась, тяжело дыша, и уперла кончик деревянного тренировочного меча в утоптанную землю заднего двора. Ее светлые, как спелая пшеница, локоны давно выбились из тугой косы и прилипли к раскрасневшимся щекам, а старые бриджи для верховой езды были перепачканы пылью так, что любая столичная модистка при виде этого зрелища немедленно упала бы в обморок.

— Кэсс, у меня руки отваливаются, — пожаловалась она, трагически закатывая огромные голубые глаза. — Эта деревяшка весит как чугунный котел! Через три дня мой первый императорский бал дебютанток. Разве в золотом зале дворца на меня нападут лесные разбойники?

— На балу — вряд ли, — невозмутимо ответила я, подходя ближе и одним привычным движением поправляя ее хват на рукояти. Мои пальцы, грубые от старых мозолей и рукоятей клинков, держали ее тонкое запястье максимально бережно. — А вот по дороге в столицу — вполне. И поверьте, если на нашу карету налетят головорезы, им будет глубоко плевать, насколько изящно вы умеете приседать в реверансе перед обер-церемониймейстером. Еще десять выпадов, леди Марьяна. И следите за центром тяжести, вы снова заваливаетесь вперед, как мешок с овсом.

Марьяна фыркнула, но послушно встала в стойку. Спорить со мной было бесполезно — она усвоила это еще два года назад, когда граф Вернье впервые привез меня в поместье.

Помню тот день как сейчас. Графиня Вернье, женщина утонченная и нервная, при виде меня едва не выронила веер. Она ожидала получить для ее дочери компаньонку с вязанием и сборником нравоучений, а получила двадцатитрехлетнюю дочь бывшего командира королевских рыцарей — рослую, широкоплечую, с коротким белым шрамом у левой брови и тяжелым полуторным мечом за спиной. Мои же вьющиеся темно-каштановые волосы, которые я для удобства стригла чуть ниже плеч и собирала в тугой узел, тогда показались графине верхом неприличия.

Мои три старшие сестры в свое время выбрали шелка, балы и выгодные партии с солидными баронами. Теперь они переписывались исключительно о фасонах чепцов и урожае крыжовника. Одна только я, четвертая и младшая дочь своего отца, наотрез отказалась от корсетов, заявив на семейном совете, что в китовом усе неудобно уклоняться от колющих ударов. Отец, всю жизнь мечтавший о сыне, тогда только крякнул в усы и вручил мне свой старый, идеально сбалансированный клинок. С тех пор я стала тем, кем стала: женщиной-рыцарем, которую знатные семейства охотно нанимали охранять своих юных дочерей. Мужчина-телохранитель в покоях девицы на выданье — верный повод для грязных сплетен, а я была идеальным щитом: и приличия соблюдены, и при случае любому нахалу шею свернуть могу.

За эти два года я искренне прикипела к дому Вернье. В моей родной семье царили суровая армейская тишина и вежливая отчужденность сестер, смотревших на меня с жалостливым недоразумением. Здесь же меня принимали такой, какая я есть. Марьяна смотрела на меня с искренним обожанием, словно я была героиней рыцарских баллад, граф относился с неподдельным уважением, а старший сын, Габриэль…

— Пресвятые угодники, если бы наша столичная кузина увидела сейчас наследницу Вернье, она бы решила, что ты готовишь ее к штурму северной крепости, — раздался со стороны каменного крыльца знакомый бархатистый голос, в котором иронии было больше, чем в проповедях придворного капеллана.

Я обернулась. По ступеням, лениво стягивая с рук тонкие кожаные перчатки, спускался Габриэль Вернье.

Как всегда, он выглядел так, словно только что сошел с полотна модного столичного портретиста: безупречно сидящий темно-синий дорожный камзол, светлые, как спелая пшеница, волосы в легком, художественном беспорядке, и этот его фирменный прищур голубых глаз — насмешливый, чуть усталый и чертовски обаятельный. Из-за одной этой улыбки фрейлины при дворе вечно путались в собственных подолах и роняли веера.

Марьяна радостно взвизгнула, бросила тренировочный меч прямо в пыль и повисла у брата на шее, совершенно забыв, что от нее несет конюшней и потом.

— Полегче, юная валькирия, ты мне сейчас ребра переломаешь, — усмехнулся Габриэль, обнимая сестру одной рукой и целуя ее в макушку. — Вижу, Кассандра всерьез намерена сделать из тебя грозу столичного света. Если какой-нибудь виконт наступит тебе на ногу во время менуэта, ты ему сразу зубы выбьешь или ограничишься переломом пальцев?

— Зависит от того, насколько искренне он извинится, — серьезно ответила Марьяна.

Габриэль рассмеялся, но я слишком хорошо изучила его за два года, чтобы не заметить перемену. Смех звучал чуть суше обычного, а между бровями залегла напряженная складка. Поездка в столицу, из которой он только что вернулся, явно не принесла ему добрых вестей.

Он перевел взгляд на меня, коротко кивнув:

— Доброе утро, Харт. Вы, как всегда, олицетворение бодрости и суровой дисциплины.

— С возвращением, милорд, — ровно ответила я, убирая тренировочный клинок на деревянную стойку. Никакого подобострастия, никакого трепета — мы давно привыкли общаться без лишних церемоний. — Дорога прошла спокойно?

— Вполне. Чего не скажешь о самой столице, — Габриэль мягко отстранил сестру и легонько подтолкнул ее к дому. — Марьяна, солнышко, беги наверх. Матушка уже трижды спрашивала, куда ты пропала, и вид у нее был весьма воинственный. А мне нужно перекинуться парой слов с твоим телохранителем насчет завтрашнего выезда.

Марьяна бросила на нас любопытный взгляд, но спорить не стала — перспектива попасться на глаза матери в перепачканных бриджах ее явно не прельщала. Через минуту тяжелая дубовая дверь за ней захлопнулась, и мы остались во дворе вдвоем.

Габриэль

Когда за сестрой закрылась дверь, я позволил себе наконец сбросить маску беззаботного повесы и с глухим вздохом привалился спиной к теплому камню садового парапета.

Кассандра стояла в трех шагах от меня — высокая, прямая, с засученными по локоть рукавами простой льняной рубахи, вытирая клинок промасленной тряпкой. Непослушные вьющиеся пряди ее каштановых волос выбились из узла и блестели на утреннем солнце, а спокойные зеленые глаза смотрели прямо и чуть настороженно. От нее веяло таким несокрушимым здравым смыслом, что мне на секунду стало до смешного завидно. У нее в жизни все было

просто и честно: вот друг, вот враг, вот слово, которое нельзя нарушить, а вот меч, который не предаст.

У меня же в жизни намечалась катастрофа государственного масштаба.

— Дорога до столицы сухая, милорд, — первой заговорила Кэсс, не отрываясь от своего занятия. — Вчера вернулся разведчик с Черного тракта. На переправе у реки Вальд немного размыло настил, но карета пройдет без труда. С нами пойдут Анри и четверо гвардейцев. Охраны достаточно.

— Дело не в дороге, Кассандра, — пробормотал я, разглядывая носки своих запыленных сапог. — Меня женят.

Рука Кассандры с промасленной тряпкой замерла на долю секунды, но лицо осталось непроницаемым.

— Поздравляю, милорд. Это было ожидаемо. Вам двадцать четыре, вы единственный наследник. Кто невеста?

— Ее Императорское Высочество принцесса Аурелия, — произнес я таким тоном, словно речь шла о пожизненной каторге на соляных копях. — Ей едва исполнилось восемнадцать. Она обожает арфу, акварель и, по слухам, падает в обморок при виде дождевого червя. Через четыре дня в столице назначена наша официальная встреча, а к зиме двор планирует объявить о помолвке.

Кассандра медленно моргнула, обдумывая услышанное.

— Брак с императорской фамилией — высшая честь для любого дома, милорд. Полагаю, ваш отец на седьмом небе от счастья.

— Отец счастлив, матушка уже выбирает фамильные бриллианты, а первый министр потирает руки в предвкушении того, как приберет к рукам налоговые сборы с наших северных рудников, — мрачно усмехнулся я, отталкиваясь от парапета и делая пару шагов к ней. — Вы не понимаете, Харт. Это не свадьба. Это золотой ошейник. Стоит мне надеть кольцо, как я превращусь в ручную собачку двора. Буду до конца дней сидеть на скучных приемах, улыбаться лицемерам и подписывать указы, которые мне подсунут. Никакой свободы, никакого права голоса в собственных землях. Заложник чужих политических игр.

— Такова цена высокого рождения, милорд, — спокойно возразила она. — Мои старшие сестры тоже вышли замуж не по любви, а ради союзов и земель.

— Возможно. Но я не ваши сестры, и добровольно голову на плаху не положу, — я остановился совсем близко, чувствуя, как в голове, уставшей от многочасовой скачки, начинает вызревать совершенно безумная, дерзкая идея. — Отказать принцессе напрямую я не могу. Это оскорбление короны, за такое лишают титулов и отправляют в ссылку. Значит, выход только один: императорский двор должен сам с отвращением от меня отказаться.

Кассандра прищурилась, глядя на меня сверху вниз с легким подозрением.

— И как вы намерены этого добиться? Устроите пьяный дебош в тронном зале?

— Слишком банально, — фыркнул я. — Мне нужен скандал. Громкий, неопровержимый, такой, чтобы чопорные придворные задыхались от возмущения. Понимаете, если я закручу интрижку с какой-нибудь столичной фрейлиной или актрисой, двор мне это простит. Посмеются в кулак, скажут «молодо-зелено» и все равно потащат под венец. Мне нужно нечто из ряда вон выходящее. Например… если наследник древнего рода Вернье потеряет голову от собственной суровой, неприступной женщины-рыцаря, телохранительницы своей сестры.

Над двором повисла такая густая тишина, что стало слышно, как вдалеке фыркает лошадь у конюшни.

Кассандра медленно перевела взгляд с моего лица на свои широкие плечи в грубой льняной рубахе, потом на тяжелый пояс с ножнами, на мозолистые ладони — и снова на меня. Выражение ее зеленых глаз при этом красноречиво говорило о том, что она всерьез размышляет, не стукнулся ли я головой о притолоку кареты по дороге из столицы.

— Вы хотите, — произнесла она медленно, чеканя каждое слово, — чтобы я притворилась вашей любовницей.

— Не обязательно притворяться до конца, разумеется! — поспешно уточнил я, поднимая руки в примирительном жесте, хотя в уголках губ уже предательски дергалась улыбка. — Нам нужно лишь пару раз попасться на глаза нужным людям в весьма… двусмысленной обстановке. Скажем, в столице, накануне встречи с принцессой. Я буду смотреть на вас томным взором, вы будете грозно молчать — к слову, это у вас выходит блестяще — и мы разыграем красивую, скандальную пьесу. Как только помолвку расторгнут, я щедро оплачу ваши труды. Вы сможете купить собственное поместье, Харт! Или набрать свой отряд!

Кассандра глубоко вдохнула. В ее зеленых глазах не вспыхнуло ни гнева, ни смущения — только тяжелая, ледяная усталость.

— Милорд, — сказала она ровно и тихо. — Вы хороший человек, и я уважаю вашу семью. За эти два года вы ни разу не посмотрели на меня свысока. Но сейчас вы несете полную чушь.

Улыбка мгновенно сползла с моего лица.

— Кассандра, послушайте…

— Нет, это вы послушайте, — перебила она, делая шаг вперед так, что мне пришлось чуть запрокинуть голову. — Мое единственное богатство — это мое имя и моя репутация. Меня нанимают в знатные дома охранять юных девушек только потому, что весь свет знает: Кассандра Харт неподкупна, холодна как камень и не путается с хозяевами. Если я соглашусь на ваш спектакль, для вас все закончится легким порицанием и свободой от скучного брака. А для меня — концом всей моей жизни. Ни один отец больше не подпустит меня на пушечный выстрел к своей дочери. А замуж за меня и так очередь не стоит, как вы сами только что изволили намекнуть.

Я замер. Внутри неприятно кольнуло — резкое, запоздалое осознание собственной слепоты. В своей панике перед этим проклятым браком я повел себя как последний столичный эгоист, готовый бросить под колеса чужую судьбу ради собственного комфорта. А ведь Кассандра за два года ни разу не дала повода усомниться в своей верности нашему дому.

— Прошу прощения, милорд, — добавила она уже спокойнее, отступая на шаг и возвращаясь к привычной дистанции. — Моя честь не продается. И моя работа — защищать леди Марьяну, а не развлекать придворных сплетников. Найдите другой способ спасти свою шею.

Она развернулась на каблуках и твердым, размеренным шагом направилась к конюшне — проверять сбрую перед завтрашним отъездом.

Я остался стоять посреди двора, чувствуя себя последним идиотом. Провел ладонью по лицу, тихо выругался себе под нос и подумал, что теперь придется не только придумывать новый план побега от принцессы, но и искать способ по-человечески извиниться перед единственной женщиной в этом доме, которая не побоялась сказать мне правду в лицо.

Глава 2. Черный тракт и ледяная купель

Кассандра

Выезд аристократического семейства на рассвете всегда напоминал мне небольшое стихийное бедствие, тщательно замаскированное под парад.

К тому часу, когда первые лучи солнца окрасили верхушки сосен в медовый цвет, во дворе поместья Вернье уже стояли две кареты — одна для пассажиров, вторая для сундуков с нарядами леди Марьяны, которых хватило бы, пожалуй, на целый полк придворных дам. Графиня Вернье порхала у крыльца, поправляя дочери дорожный плащ и в сотый раз напоминая держать спину прямо перед вдовствующей императрицей, а сам граф отечески хлопал Габри-

эля по плечу с таким торжественным видом, словно провожал сына не на смотрины во дворец, а на покорение диких северных земель.

Я стояла у стремени своего гнедого жеребца, затягивая ремни кожаного нагрудника, и краем глаза наблюдала за Габриэлем. Утреннее солнце запуталось в его светлых, как спелая пшеница, волосах, а в голубых глазах уже снова плясали привычные насмешливые искорки — словно вчерашнего тягостного разговора и не было.

Честно говоря, я ожидала от него чего угодно: ледяного высокомерия, обиженного молчания или новой порции двусмысленных подколов. Но наследник дома Вернье снова сумел меня удивить. Когда мы столкнулись на рассвете у конюшен, он не стал юлить и напускать на себя столичный лоск. Просто подошел, смущенно потер затылок и тихо сказал:

— Вчера я вел себя как набитый дурак, Харт. Прошу прощения. Ваша честь — не разменная монета для моих столичных фокусов. Забудем этот разговор.

Я тогда лишь коротко кивнула в ответ, но внутри неприятный осадок растаял без следа. Признавать свою неправоту умеют единицы, особенно среди тех, кому с колыбели твердили об их безупречности. Габриэль Вернье мог быть балагуром, упрямцем и мастером едких шуточек, но подлецом он не был точно.

— Харт, — голос Анри, начальника графской охраны, вырвал меня из мыслей. Опытный ветеран с седыми усами и старым шрамом через всю щеку подошел ко мне, поправляя перевязь меча. — Милорд велел передать, чтобы мы глядели в оба на Черном тракте. В столице сейчас неспокойно, кое-кому очень не по вкусу идея породнить дом Вернье с императорской фамилией. Я пустил двоих парней в дозор на полверсты вперед. Вы держитесь ближе к карете.

— Принято, — коротко ответила я, легко вскидывая тело в седло. Тяжелый полуторный меч привычно лег вдоль бедра, а непослушные каштановые пряди, выбившиеся из тугой косы, щекотнули щеку. — Если кто-то сунется из кустов, пожалеет, что не остался дома.

Первые четыре часа пути прошли на удивление мирно и даже весело. Марьяна то и дело высовывалась из окна кареты, жалуясь, что ей невыносимо скучно, и требуя, чтобы я поехала рядом и рассказала какую-нибудь байку из походной жизни моего отца. Габриэль, сидевший напротив сестры, лениво отпускал колкие замечания по поводу предстоящего бала, чем доводил девушку до звонкого смеха.

Я ехала рядом, слушала их перебранку и ловила себя на том, что за эти два года прикипела к этой шумной, светловолосой семейке куда сильнее, чем положено наемному рыцарю. В моем родном доме царили армейский устав и вежливая тишина: отец был скуп на похвалы, а старшие сестры вечно шептались по углам о кружевах и женихах, глядя на меня, обвешанную мечами, как на забавное недоразумение. Здесь же, в поместье Вернье, меня принимали такой, какая я есть. Марьяна смотрела на меня с искренним обожанием, словно я была героиней рыцарских баллад, а Габриэль… Габриэль спорил со мной на равных, как с боевым товарищем, не делая скидок ни на пол, ни на сословие.

Именно поэтому, когда дорога нырнула под мрачные своды векового соснового бора на Черном тракте, у меня между лопаток неприятно закололо. Старое отцовское чутье, спасавшее мне шкуру не один десяток раз, завопило во весь голос: *тихо*. Слишком тихо. Ни птичьего свиста, ни стука дятла. И наши дозорные, ушедшие вперед, до сих пор не подали условного сигнала.

Я привстала в стременах, вглядываясь в густой подлесок по обе стороны узкой колеи, и ладонь сама легла на эфес меча.

— Анри! — крикнула я, поворачивая коня. — Останавливай обоз! Здесь…

Договорить я не успела.

Из чащи с сухим, зловещим шелестом вылетела первая стрела. Она вонзилась в шею передней пристяжной лошади, и та с диким, леденящим душу ржанием рухнула на землю,

увлекая за собой упряжь. В ту же секунду с правого склона с оглушительным треском покатилась заранее подпиленная старая сосна, наглухо перегораживая дорогу впереди.

— Засада! — рявкнула я, выхватывая полуторный меч из ножен с звонким стальным шипением. — Гвардейцы, к карете! Прикрыть леди Марьяну!

Из-за стволов деревьев посыпались люди. Их было не меньше полутора десятков — в темной коже, с черными повязками на лицах, без гербов. По тому, как низко и слаженно они держали короткие тяжелые клинки, я сразу поняла: это не лесные оборванцы. Это наемники, пришедшие убивать.

Дверца кареты распахнулась, и наружу выскочил Габриэль — без камзола, в одной белой рубахе, с тонкой шпагой в руке.

— На пол! — коротко бросил он вглубь кареты и тут же отбил первый выпад.

Я направила жеребца в гущу врагов, сбивая двоих грудью коня, третьего достала рубящим ударом сверху. Но в следующую секунду в бок моего скакуна вонзилось копье. Жеребец взвился на дыбы; я успела выдернуть ноги из стремян и перекатиться по траве, прежде чем туша рухнула на землю.

Вскочила я мгновенно. Двое наемников бросились добивать — и совершили роковую ошибку. В ближнем бою против меня у них не было шансов. Шаг навстречу первому, перехват запястья левым наручем, короткий укол в грудь; разворот корпусом — и удар стальным навершием в висок второго.

Но силы были слишком неравны. Двое наших гвардейцев уже не двигались, у Анри из разрубленного плеча хлестала кровь. Еще минута — и враги доберутся до кареты.

— Анри! Коня! — рявкнула я, отбивая удар топора. — Уводи леди Марьяну!

Габриэль

Дыхание рвало легкие, белый батист рукава пропитался кровью. Моя легкая шпага в этой рубке годилась лишь для быстрых выпадов, и я крутился на пределе сил, прикрывая дверцу кареты.

Боковым зрением я увидел, как Анри, зажимая раненое плечо, обрезал постромки у единственной уцелевшей лошади из второй упряжки и рванул дверцу экипажа.

— Нет! Брат! — вскрикнула Марьяна, цепляясь за косяк.

Времени на уговоры не было. Сзади уже наседали трое головорезов.

— В седло! Живо! — отрезал я так жестко, как никогда в жизни не говорил с сестрой, и буквально подтолкнул ее в руки Анри. — К южному посту! Гони!

Анри вскинул брыкающуюся девушку перед собой в седло, ударил пятками в бока коня, и животное, ломая кусты, рвануло в обход завала обратно по тракту. Двое наемников вскинули арбалеты им вслед — но в ту же секунду тяжелый метательный нож со свистом рассек воздух и вонзился одному из стрелков в плечо.

Это бросила Кассандра. Она стояла в десяти шагах, закрывая собой брешь в кустах, чтобы никто не погнался за лошадью. И теперь пятеро уцелевших головорезов переключили всю свою ярость на нее.

Я мог бы рвануть в чащу следом за сестрой. У меня был шанс уйти оврагом, пока они заняты женщиной-рыцарем. Но бросить человека, который только что спас мою сестру? Ни за что.

— Сюда, падаль! — крикнул я, бросаясь вперед и принимая на гарду шпаги удар секиры, летевшей в спину Кассандры.

Сталь жалобно звякнула, руку пронзила боль, но я провернулся и вогнал клинок наемнику под ребра.

— Уходите, милорд! — выдохнула Кэсс сквозь стиснутые зубы, вставая ко мне спиной к спине.

— Не дождетесь, Харт, — коротко бросил я, отбивая следующий удар.

Пятеро озверевших наемников сомкнули полукольцо, оттесняя нас с дороги в густой кустарник — прямо к крутому обрыву над бурной рекой Вальд. Пятка моего сапога скользнула по краю, вниз с глухим стуком посыпались камни.

За спиной — пятнадцать метров пустоты и ледяная вода. Впереди — стена клинков.

Кэсс бросила быстрый взгляд вниз, затем на меня. Ни паники, ни лишних слов.

— Плаваете? — бросила она.

— Сносно, — ответил я, отшвыривая шпагу в сторону.

— Руку. Не разжимать.

Ее мозолистая ладонь стальным капканом сомкнулась на моем запястье — и в ту же секунду Кассандра шагнула назад с обрыва, увлекая меня за собой в ледяную бездну.

Глава 3. Ночь у костра и скандальный рассвет

Кассандра

Ледяная вода реки Вальд обожгла так, словно меня с размаху швырнули в котел, выкованный из чистого зимнего ветра. Течение подхватило нас мгновенно, закрутило, больно приложило плечом о скользкий подводный валун. Тяжелый кожаный нагрудник и сапоги тянули на дно, но я не разжимала пальцев, вцепившись в запястье Габриэля мертвой хваткой.

Вынырнув, я жадно глотнула воздух, отплевываясь от воды, и начала грести одной рукой к темнеющему впереди пологому берегу. Габриэль не паниковал — он помогал ногами, стараясь не тянуть меня вниз. Через несколько мучительных минут мы буквально выползли на мокрую гальку в густых зарослях ивняка, в полуверсте ниже по течению от утеса.

Я рухнула на спину, тяжело дыша. Зубы выбивали дробь, пальцы онемели настолько, что я едва могла сжать кулак. Рядом, глухо закашлявшись, сел Габриэль. Его белая батистовая рубаха превратилась в полупрозрачную ледяную тряпку, светлые, как спелая пшеница, волосы потемнели и прилипли ко лбу, а по скуле текла тонкая струйка крови из рассеченной брови.

— Если это… — прохрипел он, стуча зубами, — …была ваша попытка избавиться от меня, Харт, то вы выбрали слишком долгий способ.

Я повернула голову и посмотрела на него. Внутри, помимо ледяного озноба, ворочалось непривычное, тяжелое чувство. Он мог уйти. У него был шанс прорваться вслед за Марьяной и Анри, но он остался, чтобы прикрыть мою спину.

— Вы могли уйти, милорд, — тихо сказала я, с трудом поднимаясь на ноги. — Ваша жизнь стоит дороже моей.

— Глупости не говорите, Кассандра, — оборвал он меня, убирая со лба мокрые пряди. В его голосе не осталось ни капли привычного столичного паясничанья. — Вы два года берегли мою сестру. Бросить вас там означало бы предать самого себя.

Я промолчала, но в груди стало неожиданно тепло, хотя осенний ветер пробирал до самых костей.

— Нам нужно согреться, — сказала я, возвращаясь к привычной солдатской практичности. — Иначе к утру мы окоченеем, и наемникам даже искать нас не придется. Идемте вглубь леса, подальше от воды.

Нам повезло: под корнями старой вывороченной ели нашлось сухое углубление, укрытое от ветра густым лапником, а в непромокаемом кожаном кисете у меня на поясе чудом уцелели огниво и трут. Спустя двадцать минут, которые показались вечностью, я все-таки сумела раздуть искру в сухом мхе и развести небольшой, почти не дающий дыма костерок.

Но одного огня было мало. Мокрая одежда вытягивала из тела остатки жизни. Я расстегнула пряжки, стянула тяжелый промокший нагрудник, сапоги и мокрую рубаху, развешивая их на вбитых в землю сучьях поближе к жару. Следом без малейшего стеснения сняла и нижнюю

сорочку со штанами, выжимая ткань над углями. После десятков отцовских походов, ночевок в общих палатках и перевязок в лазаретах нагота в целях выживания волновала меня не больше, чем смена портянок.

— Раздевайтесь, милорд, — скомандовала я, присаживаясь у самого огня. — Все до нитки. Иначе к рассвету сляжете с горячкой, и мне придется тащить вас до столицы на закорках.

Габриэль, до этого момента дрожавший как осиновый лист, замер.

— Э-э… простите? — переспросил он, глядя куда-то строго в крону ели над моей головой.

— Одежду снимайте, — повторила я с легким недоумением. — Не бойтесь, отвернусь. Сядем спиной к спине у костра — так и тепло сохраним, и глаза друг другу мозолить не будем.

Позади послышалось тихое сопение, шуршание мокрой ткани и глухое бормотание, очень похожее на молитву всем святым сразу. Через минуту Габриэль, прикрываясь руками, словно барышня на выданье, бочком подобрался к костру и сел ко мне спиной к спине, аккуратно прислонившись лопатками.

Габриэль

Если бы кто-нибудь из моих столичных приятелей увидел сейчас главного повесу двора, грозу фрейлин и безжалостного сердцееда Габриэля Вернье, меня бы подняли на смех на ближайшие десять лет.

Дело в том, что моя репутация опытного ловеласа была одной большой, искусно раздутой мистификацией. Мне нравилось флиртовать, нравилось дразнить чопорных дам двусмысленными комплиментами и наблюдать, как румянятся их щеки. Но дальше поцелуя руки дело не заходило никогда. Благородных девиц я не трогал из принципа и уважения к их чести, а мысль о продажной любви в столичных борделях вызывала у меня лишь брезгливость. В свои двадцать четыре года я, к собственному тайному стыду, не имел ни малейшего опыта близости с женщиной.

И вот теперь я сидел в темном лесу, абсолютно голый, прижавшись голой спиной к голой спине Кассандры Харт!

Жар от костра и тепло ее тела мгновенно ударили мне в голову. Я чувствовал, как краска стремительно заливает шею, щеки и даже кончики ушей. Кожа у Кассандры была гладкой, упругой и обжигающе горячей после ледяной реки. Сквозь лопатки я ощущал ее ровное, спокойное дыхание и то, как перекатываются под кожей крепкие мышцы, когда она подбрасывала в огонь сухие ветки.

— Милорд, вы чего так напряглись? — раздался ее спокойный, чуть насмешливый голос прямо над моим ухом. — Вы же только что дрожали от холода, а теперь от вас жар идет, как от кузнечного горна. Уж не лихорадка ли начинается?

— Все в полном порядке, Харт! — слишком громко и с каким-то петушиным присвистом отозвался я, сжимая колени руками так, что побелели костяшки. — Просто… отличная у вас техника разведения костров. Очень… греет.

Кассандра тихо фыркнула. Кажется, эта железная женщина действительно не испытывала ни капли смущения.

— Мой отец говорил: в походе стыд греет хуже, чем сухая шерсть, — философски заметила она. — Сидите смирно, милорд. Тонкая ткань у огня просохнет быстро. Мой походный плащ тоже — он из плотной промасленной шерсти, воду почти не впитывает, только сверху намок. Через полчаса оденемся.

Эти полчаса показались мне самым долгим испытанием в моей жизни. Но постепенно бешеный стук сердца улегся, жар в щеках спал, сменившись приятной, обволакивающей истомой. Смертельная усталость после боя, прыжка с утеса и ледяной купели брала свое.

— Знаете, Кассандра… — тихо сказал я, глядя на пляшущие в темноте искры. — Когда я вчера предлагал вам ту авантюру во дворе, я вел себя как полный идиот. Простите меня еще раз.

— Забудьте, милорд, — мягко ответила она. — Река все смыла.

Через полчаса тонкое нижнее белье и ее длинная льняная сорочка действительно высохли. Мы по очереди, все так же не глядя друг на друга, натянули подсохшую одежду. Кэсс проверила свой походный плащ — плотная, выделанная особым способом шерсть уже стала сухой и теплой от жара углей.

Она расстелила его на сухой хвое под корнем ели и кивнула мне:

— Ложитесь, милорд. Ночь холодная, одной сорочки мало, а нам нужно дотянуть до утра без простуды.

Я лег на край плаща, Кассандра устроилась рядом и накрыла нас обоих второй половиной широкой шерстяной ткани. Чтобы не замерзнуть, пришлось прижаться друг к другу почти вплотную. От ее влажных вьющихся волос пахло дымом, речной водой и свежей хвоей.

— Я посторожу первую половину ночи, — пробормотала она, уже явно проваливаясь в дрему. — Спите…

Она не договорила — тяжелый, глубокий сон накрыл ее мгновенно. А через пару минут, не в силах больше бороться со свинцовой усталостью, я закрыл глаза и сам, уткнувшись носом в ее плечо.

Кассандра

Разбудил меня не шорох ветвей и не привычный инстинкт опасности, а странный, коллективный вдох — громкий, сдавленный и полный неподдельного, священного ужаса.

Я резко распахнула глаза, инстинктивно дернувшись за мечом, но рука наткнулась лишь на мягкую шерсть.

Утро выдалось ясным и солнечным. Прямо перед нашим укрытием, в десяти шагах, замерла целая процессия всадников. Впереди стояли бледный от волнения Анри с перевязанным плечом и заплаканная от облегчения Марьяна. А сразу за ними — десяток гвардейцев в бело-золотых плащах с вышитым императорским орлом на груди, во главе со старым обер-церемониймейстером двора графом де Линьи и его молодым помощником, бароном Моро — тем самым, чей кузен мечтал занять место Габриэля возле принцессы.

Я медленно опустила взгляд.

За ночь во сне мы сползли по корню ели. Плащ съехал до пояса, открывая наши плечи и руки. Моя нога была закинута на бедро Габриэля, моя ладонь лежала у него на груди под расстегнутым воротом рубахи, а его рука крепко обнимала меня за талию, прижимая к себе так тесно, словно мы провели эту ночь вовсе не спасаясь от осеннего мороза.

Габриэль тоже проснулся. Он медленно моргнул, обвел заспанным взглядом застывших, как соляные столбы, всадников, перевел глаза на побелевшего от негодования барона Моро, а затем опустил взгляд на нас.

Вся его хваленая столичная невозмутимость испарилась в одно мгновение. Габриэль густо, до самых корней светлых волос покраснел, растерянно открыл рот, словно выброшенная на берег рыба, и с ужасом посмотрел на меня — в его голубых глазах читалась настоящая паника: он понял, что сейчас на его глазах рушится моя репутация.

— Боже правый… какой кошмар! Какое бесстыдство! — первым опомнился и взвизгнул барон Моро, с торжествующим ужасом оглядывая свиту. — Граф де Линьи, вы это видите?! Наследник Вернье, без пяти минут жених Ее Императорского Высочества, валяется в кустах в обнимку со своей наемницей! Это же плевок в лицо самой короне!

— Да вы что несете, сударь?! — рявкнул в ответ Анри, выступая вперед и перекрывая собой обзор любопытным гвардейцам. — На обоз напали наемники! Милорд и госпожа Харт прыгнули с утеса в ледяную реку, чтобы спастись! Они чуть не замерзли насмерть, сушили одежду у костра!

— Ага, и в процессе сушки так увлеклись, что забыли, где чьи руки и ноги! — язвительно фыркнул кто-то из императорских всадников, и по рядам пробежал сдавленный смешок.

— Прекратите немедленно! Отвернитесь все! — рявкнул граф де Линьи, багровея от возмущения, в то время как Марьяна за его спиной торопливо прикрывала лицо ладошками, хотя сквозь пальцы с неподдельным любопытством разглядывала нас обоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.